

Научная статья

УДК 82-94+94 (470) «1941/1945»

doi: 10.17223/23062061/34/9

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА: ОТ ВОЕННОГО ДНЕВНИКА К ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ

Екатерина Георгиевна Постникова¹,
Татьяна Борисовна Зайцева²

^{1,2} *Магнитогорский государственный технический университет*

им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹ *ekaterinapost@mail.ru*

² *tbz@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации жанра фронтового дневника в художественно-документальную прозу. Материалом для исследования послужили военные дневники матроса-подводника СФ Г.И. Сенникова и его опубликованные и неопубликованные повести. Рассмотрены этапы и стратегии трансформации текста от черновика фронтового дневника к практически неподцензурной повести «Малютка уходит в море», написанной в перестроечное время и не опубликованной при жизни автора. Доказано, что Г.И. Сенников является автором одного произведения, «монотекста», над которым он трудился всю свою жизнь. Изучена история этого текста и его публикации.

Ключевые слова: авторские стратегии, жанр, Великая Отечественная война, военные дневники

Для цитирования: Постникова Е.Г., Зайцева Т.Б. Авторские стратегии трансформации жанра: от военного дневника к художественно-документальной прозе // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 116–131. doi: 10.17223/23062061/34/9

Original article

AUTHOR'S STRATEGIES OF THE TRANSFORMATION OF A GENRE: FROM A WARTIME DIARY TO FICTION AND DOCUMENTARY PROSE

Yekaterina G. Postnikova¹, Tatiana B. Zaitseva²

^{1,2} *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation*

¹ *ekaterinapost@mail.ru*

² *tbz@list.ru*

Abstract. This article aims to discuss the history of the text of the front-line diaries and military stories of Georgiy Sennikov, a submariner of the Northern Fleet, as the history of a single “monotext” in the aspect of the transformation of the genre of a wartime diary into fiction and documentary prose. The research aims to single out the stages of the author’s work on the text from the draft of the front-line diary to the almost uncensored story *Malyutka Goes to Sea*, written during perestroika and not published during the author’s lifetime; to determine the author’s strategies for the transformation of the text; to conduct a comparative analysis of the texts and to understand the logic of changes and edits to the text made by the author; to examine the influence of political and ideological public discourse on the design of the author’s idea; to describe the strategy of making diary entries subordinated to linear time an aesthetically complete work with a structured composition; to determine the features of presentation, construction and artistic decoration of the images. This research is important because the philological and historical-anthropological study of new ego-documents and previously unpublished literary texts on the war is an important resource for understanding the present and social prognostication. The novelty of the research lies in the fact that new sources are introduced into scholarly discourse – ego-documents and literary texts of Georgiy Sennikov, a front-line soldier, navigating electrician of submarines M-107 and M-119. The combination of the literary comparative-historical method, the biographical approach, and the historical principle of the priority of the source allows us to look at the history of the Great Patriotic War through the prism of personal history, presented by the front-line soldier in figurative forms. A comparative analysis of the surviving texts written by the front-line submariner was carried out from the point of view of the history of the text and in the aspect of the poetics of the genre. As a result, it is proved that Sennikov is the author of one work, a “monotext”, on which he worked all his life. Three author’s strategies of the transformation of ego-documents into fiction and documentary prose are determined. The first strategy is connected with the transformation of the text depending on the changes in the political situation in the country. First of all, it is necessary to mention the influence of political and ideological public discourse on the design of the author’s idea and on the logic of removing or adding new episodes to the text. The second strategy of the transformation of the diary text into fiction and documentary prose is associated with its restructuring according to the laws of the composition

of a work of art: subordination of the diary's linear time as a chain of events happening in time to non-linear qualitative time, which makes you feel the depth of life, even its transcendence. The transfer of events and characters in time creates the emotional center of the work, its culmination. The third strategy is the transformation of the images in the diary into artistic images built in accordance with the Soviet cultural archetypes.

Keywords: author's strategies, history of text, genre, Great Patriotic War, wartime diaries, documentary prose

For citation: Postnikova, Ye.G. & Zaitseva, T.B. (2024) Author's strategies of the transformation of a genre: From a wartime diary to fiction and documentary prose. *Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing*, 34. pp. 116–131. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/34/9

Великая Отечественная война была и остается для русского / российского национального сознания событием сакральным, на многие десятилетия сформировавшим нашу самоидентичность, ценности, ориентиры, трактовку прошлого, ощущение настоящего и ожидания от будущего, задавшим вектор развития нации. Поэтому введение в научный оборот новых эго-документов периода Великой Отечественной войны – писем, дневников – и новых художественных текстов, посвященных войне, является актуальнейшей задачей современной филологии и исторической антропологии.

Анализ последних публикаций, посвященных фронтовым дневникам, дает основания утверждать, что большую группу составляют довольно известные и хорошо изученные дневники писателей – военных корреспондентов. Жанровые особенности, амбивалентную структуру военных дневников писателей В.В. Иванова, А.Т. Твардовского, В.В. Вишневского, К.М. Симонова, В.С. Гроссмана, А.П. Платонова, Ж.Т. Тумунова, Ц.Н. Номтоева анализировали в своих исследованиях Е.И. Колесникова, А.М. Маркус, С.В. Бирючин, Л.Ц. Халхарова, И.Н. Кирясова и др. [1–5]. Установлено, что дневники и записные книжки писателей являлись для них своеобразной художественной мастерской. Ряд исследователей зафиксировали использование фронтовых дневников и записных книжек советскими писателями-фронтовиками в дальнейших художественных произведениях [1–3].

В этой связи актуальной и продуктивной для исследования является проблема трансформации жанра дневника, который некоторые исследователи относят к публицистике [6], в художественный текст. Исследователей волнует вопрос: как именно документальный, зачастую рваный, фрагментарный, сухой, разноплановый текст превращается в художественно организованное пространство, населенное живыми образами, а

вполне реальные события войны начинают осмысляться на метафорическом и метафизическом уровнях. К проблеме трансформации жанра фронтовых дневников и записных книжек в художественно-документальную прозу вплотную подошел литературовед С.В. Бирючин, сосредоточив свое внимание на отражении реальных фактов, запечатленных писателем В. Гроссманом в военных дневниках, и их художественных функциях в сталинградской дилогии «Жизнь и судьба» [3]. Выделяются такие функции реального факта в художественно-документальной прозе: идейно-формирующая, образно-стимулирующая, оценочная, сюжетобразующая, эмоционально-воздействующая [3. С. 147].

Исследователями подчеркивается значение реального факта в литературе, посвященной войне. Реальный факт, зафиксированный во фронтовом дневнике, может участвовать в формировании событийного ряда художественного произведения, в организации повествования, «провоцирует» писателя на создание художественного образа, используется художником для вызова у читателя определенных душевных переживаний, чувств, ощущений.

В этой статье мы предлагаем рассмотреть проблему трансформации жанра дневника в художественную прозу на новом для науки материале: военных дневниках и послевоенных опубликованных и неопубликованных повестях, посвященных Великой Отечественной войне, принадлежащих перу малоизвестного автора – участника Великой Отечественной войны, матроса-подводника Северного и Черноморского флотов, штурманского электрика подводных лодок «М-107» и «М-119» Георгия Ивановича Сенникова (1923–1987).

В семье Сенниковых сохранились военные дневники Георгия Ивановича (1943–1945 гг.), его опубликованные («Выстрел в бухте») и неопубликованные («Малютка уходит в море») повести, посвященные Великой Отечественной войне. Георгий Иванович был частью того легендарного поколения, которое отправилось на фронт со школьной скамьи, сменив школьную форму на военную. Воевал Георгий Иванович на подводных лодках класса «малютка» «М-107» и «М-119». В самые страшные годы, 1942–1943 гг., Георгий Иванович воевал на Баренцевом море (Северный флот). В мае 1944 г. экипаж перевели в Крым (Черноморский флот).

Война стала для Георгия Ивановича, как и для всего фронтового поколения, событием, формирующим личность. К теме войны он возвращался постоянно в разговорах с родными, в воспоминаниях, в документальных произведениях, в картинах. Можно сказать, что Георгий Иванович является автором одного произведения, «монотекста», над которым он трудился всю свою жизнь. Все эго-документы хранятся в семейном архиве

Сенниковых (г. Магнитогорск). В рамках работы над проектом РФФИ_Челябинская область «Челябинская область в Великой Отечественной войне на Севере (по дневникам 1943–1946 гг., документальным повестям матроса-подводника Северного флота Г.И. Сенникова и архивным документам)» мы опубликовали фронтовой и послевоенный дневники Георгия Ивановича, а также документальную повесть «Малютка уходит в море» в двухтомном издании «Мы – подводники: военные дневники матроса-подводника СФ Г.И. Сенникова» [7; 8].

Целевая установка статьи – изучить историю текстов фронтовых дневников и военных повестей матроса-подводника Северного флота Г.И. Сенникова как историю единого «монотекста» в аспекте проблемы трансформации жанра военного дневника в художественно-документальную прозу. Мы предполагаем провести сравнительно-сопоставительный анализ эго-документов, уясняя логику изменений и правок, вносимых автором, и выявить авторские стратегии трансформации текстов. Обратимся к истории этого текста и рассмотрим этапы большого труда, в котором отразился травматический опыт переживания войны молодым человеком, добровольно ушедшим на фронт в первые ее дни.

Самый ранний текст – текст 1942–1943 гг., мы назвали черновиком «северного» дневника. Георгий Иванович пошел на хитрость и спрятал страницы черновика в штурманский журнал. Когда листаешь эти пожелтевшие страницы, остается впечатление, что они вырваны из какой-то большей по объему тетради, от которой сохранилась только часть. Много из этого черновика было переписано в красивую общую тетрадь и оформлено карандашными и акварельными рисунками, фотографиями. Сделано это было уже в Крыму, куда подводную лодку (ПЛ) «М-119» («малютку») перебросили в мае 1944 г.

Второй текст – три тетради в коричневом кожаном переплете формата А5, украшенные многочисленными рисунками и фотографиями, велись краснофлотцем Сенниковым уже в Крыму с мая 1944 по май 1946 г. Первая из этих тетрадей – это переписанный набело «северный» дневник, который велся на Северном флоте (СФ). Две другие тетради посвящены службе Георгия Ивановича на Черноморском флоте (ЧФ) – это «крымские» дневники. Отрывки из этих тетрадей впервые были опубликованы в газете «Комсомольская правда» 7 мая и 9 мая 1966 г. под общим заголовком «Мы, подводники» [9. С. 3]. В семейном архиве Сенниковых сохранилась расписка от 30 марта 1966 г., выполненная на фирменном бланке газеты «Комсомольская правда», в которой говорится: «Получены от тов. Сенникова Г.И. его фронтовые дневники – три общих тетради с рисунками автора и фотографиями».

Сохранилась и записка от корреспондента «Комсомольской правды» по Карагандинской области Юрия Додолева с сообщением о том, что на редакционной «летучке» публикация по дневникам была признана «лучшим материалом месяца». Публикация «Мы, подводники» в газете предварялась вступлением: «Несколько тетрадей в коричневых клеенчатых переплетах. Записи убористым почерком на потемневших от времени страницах. Чернила разного цвета. Карандашные стертые строки. Дневники штурманского электрика, старшины второй статьи с подводной лодки “малютки” Георгия Сенникова. Записи перемежаются рисунками – и торопливыми, когда карандаш срывала качка, и старательно выведенными пером, акварельной кистью. Эти дневники, которые мы начинаем сегодня печатать, – свидетельство подвигов советских моряков, выражение мыслей и раздумий твоего, читатель, современника – двадцатилетнего участника войны» [9. С. 3].

Причины ведения фронтового дневника и его важнейшие функции в жизни непосредственного участника боев, комбатанта, краснофлотца (функцию памяти, психотерапевтическую функцию, самоидентификацию, самовыражение, философско-аналитическую и компенсаторную функции) мы подробно рассмотрели в статье «Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника» [10]. Здесь же хотим отметить, что появление художественно-документальных повестей, написанных Сенниковым на основе дневника уже после войны, не случайно. Скорее всего, военный дневник для Георгия Ивановича – это, ко всему прочему, и своеобразная творческая мастерская. Георгий Иванович уже в годы войны пытался писать рассказы и много думал над проблемами художественной выразительности в описании войны.

Как отмечают исследователи, фронтовые дневники писателей обладают специфическими принципами организации материала. «Авторы, описывая события, делают сноски на документы, письма, вводят беседы, разговоры с людьми, авторские размышления. Таким образом, можно говорить, что дневник изначально подчиняется авторской идее, авторскому замыслу. <...> В дневниковой прозе писателей содержатся разнообразные сюжеты, краткие вставные рассказы, критические рассуждения и пейзажные зарисовки и стихотворения в прозе», – пишет А. Маркусь [2. С. 125]. С дневниками писателей фронтовой дневник Сенникова роднит не только исповедальность, эмоциональность, образность при установке на достоверность, но и такие формальные признаки, как наличие вставных эпизодов, стихов (около 60), песен (около 7), философских рассуждений (не зря автор не без самоиронии называет себя «философствующей осиною» [7. С. 154]), пейзажных зарисовок и сюжетов будущих картин

(например, сюжет боя в Крыму [8. С. 69]), идей для повестей (повесть о докторе П [8. С. 154]), диалогов (диалоги сослуживцев).

Третий текст Г.И. Сенникова – это документальная повесть «Выстрел в бухте», опубликованная в Свердловске в Средне-Уральском книжном издательстве в 1969 г. Текст этот, как и отрывки из дневника, которые впервые были опубликованы в «Комсомольской правде», подвергся очень серьезной советской цензуре, редакторской правке и значительно отличается от текста фронтового дневника. Предисловие к книге написал командир подводной лодки «М-119», капитан первого ранга Константин Колосов. Командир, под началом которого автор воевал на Баренцевом море, подтверждал, что «книга Г.И. Сенникова не вымысел, а дневниковые записи действительности небольшого периода войны на Севере», и выражал благодарность Георгию Ивановичу [11. С. 6].

И последний, четвертый, текст – это повесть «Малютка уходит в море», написанная Георгием Ивановичем Сенниковым уже в перестроечное время, примерно в 1986–1987 гг. (перед смертью) и так и не опубликованная при жизни автора. Текст уникальный, он гораздо более живой и откровенный, чем то, что было издано при жизни фронтовика, в нем очень многое взято из дневника и многое из воспоминаний автора. Текст повести представляет собой рукопись, набранную на печатной машинке.

На наш взгляд, все упомянутые выше четыре документа представляют собой единый «монотекст». Рассмотрим историю этого монотекста в аспекте проблемы перехода / перестройки жанра фронтового дневника в художественно-документальную прозу. Нас интересуют этапы авторской работы и стратегии трансформации текста от черновика фронтового дневника к практически неподцензурной повести «Малютка уходит в море», написанной в перестроечное время и не опубликованной при жизни автора. Зададимся вопросами: как менялся текст, в чем логика этих изменений? Какие эпизоды на каком этапе брались / выбрасывались в новый текст? С чем это было связано? Как менялись автор и основные образы? Рассмотрим авторские стратегии самопрезентации, конструирования и художественной обработки образов.

Логично предположить, что текст трансформировался с учетом изменения политической обстановки в стране. В первую очередь нужно говорить о влиянии политического и идеологического общественного дискурса на оформление авторского замысла. В советский период авторский замысел уже на первом этапе дотекстовой деятельности корректировался автором в соответствии с господствующим политическим дискурсом. Как утверждают исследователи, «литература, на которую легла обязанность

показывать войну, сама должна была выполнять функции военной цензуры – отмерять и дозировать «правду о войне» [12. С. 373]. Здесь мы выходим на проблему цензуры и самоцензуры. Не только советские цензоры вычеркивали что-то из текста. Автор и сам на первых же этапах цензурировал свой текст. Интересно посмотреть, что именно не было переписано Сенниковым из черновика 1943 г. в «чистой» дневник с 1944–1945 гг., т.е. уже на первом этапе работы еще во время войны и сразу после нее.

Итак, что не вошло в чистовой вариант фронтового дневника? Прежде всего, горькая правда о гибели товарища: история о том, как один из матросов из-за ссоры убил сослуживца, ранил еще двух и пытался покончить жизнь самоубийством. В результате этого инцидента Георгий Иванович попал на лодку «М-119» на место погибшего штурманского электрика Васильева Якова Афанасьевича. Эту историю Георгий Иванович очень подробно описал в черновике дневника [7. С. 278], в чистовике дневника от этой записи осталось 3 строчки, хотя через несколько страниц без привязки к этому эпизоду в дневнике внезапно появляется имя беспризорника и талантливого художника Сикорского, без обозначения, что именно он и есть убийца Якова Васильева, и дается его психологическая характеристика, написанная с большой симпатией к бывшему детдомовцу, художнику и хорошему другу [7. С. 146].

В советской повести «Выстрел в бухте» от этого дневникового эпизода осталась только строчка: «Сегодня меня вызвал к себе начальник штаба дивизиона и вручил приказ перейти на подводную лодку “М-119”. У них погиб штурманский электрик. Я должен занять его место» [11. С. 7]. Сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов текста, посвященных травматичному эпизоду с убийством-самоубийством сослуживцев-подводников СФ периода Великой Отечественной войны, от черновика дневника – через чистовик дневника – к повести, опубликованной в советское время, показывает, что текст идет на сужение. Важнейшая информация, неудобная для официального советского исторического дискурса, просто изымается. Причем делает это, скорее всего, сам автор.

На том же основании не вошел в повесть и очень неоднозначный эпизод с двумя командирами СФ Луниным и Мадиссоном. Причина, конечно, прежде всего идеологическая. Лунин Николай Александрович – легендарный подводник Северного флота, командир знаменитой подводной лодки. Его именем названы улицы. А кто такой Мадиссон? Кто его теперь помнит? А Мадиссон Александр Иванович – подводник, командир подводной лодки «С-15», немец по национальности, который застрелился

на базе БПЛ СФ после разговора в штабе: он вернулся из похода досрочно, его обозвали трусом в штабе. Он застрелился. Естественно, в опубликованной в советское время повести «Выстрел в бухте» этого эпизода нет. А в неопубликованной повести «Малютка уходит в море» от страницы осталась одна строчка: «А вот *Лунин мне не нравится: холоден, резок, высокомерен*. Впрочем, я слишком мало знаю его, чтобы судить верно» [8. С. 185].

Мы видим, что, трансформируя текст военного дневника в документальную повесть, автор подстраивается под официальный политический дискурс, убирая из текста все травматичные, неоднозначные, болезненные истории, связанные с неуставными взаимоотношениями военнослужащих, которые по идеологическим и политическим причинам не могли быть опубликованы при жизни автора. Георгий Иванович сам изымал эти эпизоды из текста документальных повестей.

Также из черновика в чистовой вариант дневника не были перенесены неудачные шутки (например, шутка, оскорбившая представителя другого рода войск – «чудик авиационный») и нецензурные выражения (например, о самолете: «б... изобретение» [7. С. 253]).

Приведем эпизод, не вошедший в чистовой вариант дневника:

«Сидел и читал книгу. Неожиданно – грохот взрыва. В окно мне было видно, как какой-то сержант упал в снег, потом вскочил и кинулся бежать как угорелый. Это от одной-то бомбы! Чудик авиационный! Ваенга – царство авиации. Всю ночь гудели моторы. Это наши, целыми десятками летали в гости к фрицам. А их – ни единого. Отлетались!

<...> Стоял перед грудой разбитых самолетов, наших и не наших, и трепался с часовым. Ему я в первую очередь авторитетно заявил, указывая на самолеты:

– *Б...ское изобретение!*

– Как так? – удивился тот. Я и самолюбие его задел, т.к. погоны у него были голубые, летные.

– А так...И заработала моя фантазия на полный ход. Каких небывлиц я не сочинил ему тут же. Смешно было видеть, как хлопал тот ушами! На прощанье я спер снаряд от авиационной пушки. Так, ради оригинальности» [7. С. 253].

Этот эпизод Георгий Иванович не вставил в основной текст. Слишком неприглядно он сам тут выглядит: в пьяном виде наговорил неприличных вещей представителю авиации, «умыкнул» снаряд. Не красит *это моряка*, не соответствует высокому званию советского подводника-краснофлотца.

Анализ логики изъятия этих фрагментов выводит нас на проблему самопрезентации автора в тексте. Не всегда «Я-пишущий» и «Я-описываемый» – это одно и то же. Георгий Иванович убрал один фрагмент из-за соображений цензуры (но листочек с правдой сохранил) и второй фрагмент из соображений самоцензуры (не захотел выставлять себя в некрасивом свете). Склонный к прямолинейности и честный в разговоре с собой, Сенников ставит в дневнике проблему взаимоотношений «повествующего-я» и «повествуемого-я»: *«Все ли, сочиняющие дневники, рисуют в них себя такими, какими они являются на самом деле? Вряд ли... Да и не вижу я, чтобы кто-то еще занимался этой чепухой. По крайней мере, из моих друзей»* [7. С. 184]. Автор отдает себе отчет в том, что он не всю правду о себе пишет, что он тоже создает некий образ себя в переписываемом дневнике.

Здесь важно отметить, что из текста опубликованной в советское время повести убраны не только травматичные или неприглядные эпизоды, упоминаемые в дневнике, но и почти все эмоции. Автор методично убирает эпизоды, когда он плачет, когда ему слишком страшно или он испытывает восторг. Текст повести «выхолащивается», выравнивается. И себя, и персонажей документальной повести автор создает по канону, подгоняет под принятый образ советского моряка-подводника: правильного, верного, честного, нацеленного только на сражение с врагом, движимого только ненавистью к фашистам.

А вот в повести 80-х «Малютка уходит в море», наоборот, появляются эпизоды, новые подробности, которых не было до этого ни в одном из предшествующих текстов. Интересна логика возникновения этого нового. Что вдруг оказалось возможным рассказать о войне в перестроечное время?

Впервые именно в последней повести появляются некоторые бытовые подробности существования моряков-подводников на войне. Например, рассказ о том, как был устроен галюн на скале и что случилось с «сидевшим» в нем работягой во время бомбежки: «Вместе со скворечником аж через всю бухточку перебросило, метров тридцать летел. Плюхнулся он в воду и вылез благополучно. Так что галюн – это, скажу я вам, тоже вещь!» [8. С. 206].

Впервые появляются очень неоднозначные эпизоды, связанные с методами борьбы с паникерами и трусами на флоте. Приведем один из таких шокирующих рассказов: «Больно бывает читать в газетных статьях и очерках о случаях предательства и трусости отдельных советских людей. <...> Был такой, не помню уж, на какой лодке. О нем рассказывают как о своеобразном феномене. <...> “Вылечили” его от этой патологической

страхомании чисто флотским способом. В одну из очередных тревог, когда тот смылся в свое примитивное укрытие, трое здоровенных матросов подтащили к колодцу солидную глыбу гранита и шарахнули его с размаху по чугунной крышке. Крышка выдержала, он – нет. Когда через какое-то время колодец открыли, он сидел там с вытаращенными глазами, но... без признаков жизни. Перешутили, в общем. Курьезный случай, что и говорить. Но конец его закономерен» [8. С. 186–187].

Впервые появляются очень откровенные эпизоды, связанные с пьянством на флоте. Хотя справедливости ради нужно отметить, что таких эпизодов много и в военных дневниках Сенникова, но в повести автор не только рассказывает о том, как, где и при каких обстоятельствах впервые попробовал алкоголь, но и связывает это со стереотипами поведения матросов и стереотипными же представлениями о них. Приведем этот фрагмент: «Впервые я был пьян в Кирове. <...> Шли мы с приятелем по улице. Видим – очередь стоит. Выскакивает из нее старикашка кудлатый, кричит нам:

– Матросы! Вы чего же это мимо проходите? <...> Водку же дают! <...> Матросы вы или нет? Давайте пользуйтесь. Мы уж вас без очереди пустим. Флот уважать надо!» [8. С. 224].

Здесь тоже есть своя логика отбора фрагментов, эпизодов, историй, связанная с эпохой объявленной М. Горбачевым «гласности», и, конечно, своя субъективная логика: жизнь уже прожита. С высоты сегодняшнего момента можно посмотреть на прожитое и проанализировать ключевые судьбоносные моменты: с чего все началось, какую роль в дальнейшем сыграло и т.д. Причина, почему не вошла в текст советской повести история с гальюном, – слишком «низкие» бытовые подробности. Тема телесности была изгнана из официального советского дискурса о войне. Об этом откровенно стали говорить и писать только во времена перестройки. Тема борьбы с паникерами и трусами и реальные истории их «воспитания» на флоте – тоже табуированная тема, болезненная.

Еще одна стратегия трансформации текста дневника в художественно-документальную прозу связана с перестраиванием дневникового текста по законам композиции художественного произведения: подчинение линейного дневникового времени как цепи происходящих событий времени нелинейному, качественному времени, дающему почувствовать глубину жизни, даже ее трансцендентность. Для решения этой задачи автор переносит события и героев во времени с целью усиления эмоционального воздействия на читателей. Так, например, трансформируя линейное время по законам художественного произведения, Сенников создает не-

кий эмоциональный центр произведения, его кульминацию, просто перенеся во времени описание самого тяжелого похода лодки, когда она чуть не погибла, но моряки чудом остались живы и вернулись на базу в Полярное. Этот эпизод в тексте повести автор перенес на день своего рождения 29 апреля 1944 г. В этот день ему исполнилось двадцать лет: «В первом отсеке пробоина. Это самое страшное. <...> Пробоину удастся заделать. <...> Но отсек заполнился водой, и люди в нем оказываются под страшным давлением. <...> Отсек наполняется удушливым запахом хлора: разбито несколько баков аккумуляторной батареи. <...> Смотрю на товарищей. Они лежат, распластавшись на палубе отсека, или сидят у переборок, опустив на колени забинтованные головы. На них повсюду черные пятна крови» [11. С. 87].

В повести «Выстрел в бухте» за этим эпизодом следует запись: «Только сейчас вспоминаю, что сегодня – 29 апреля, день моего рождения. Собственно, я уже родился там, в лодке... Вчера мне было двадцать лет. Сегодня – двадцать один. А между этими датами – целая жизнь» [11. С. 87]. На самом деле в дневнике эта запись относится к марту 1944 г.

Георгий Иванович верно рассчитал эффект эмоционального воздействия. При этом в документальной повести, перестраивая логику событий по законам композиции художественного текста, он максимально сохраняет близость дневниковой форме (текст дробится на эпизоды, перед событием указывается дата).

В-третьих, сопоставление текстов дневника и повестей приводит нас к выводу, что автор не просто переставляет эпизоды и героев местами, а проводит работу по художественной обработке образов. В повести «Малютка уходит в море» меняется подача образов сослуживцев, друзей-матросов, командиров и боевых подруг.

В дневнике образы близких друзей не прописаны детально, нет развернутых характеристик и портретных зарисовок. Появление образов товарищей-подводников на страницах дневника всегда связано с конкретным событием, с каким-то действием, поэтому чаще всего характеры описываются с помощью глагольных форм. Иногда очень скупо передаются эмоции матросов. Так, к примеру, упоминание о друге Георгия Ивановича по школе подводного плавания и ПЛ «М-107» («Новосибирский комсомолец») Елфимове Александре, в дневнике просто Сашке, в «северной» тетради встречается более десяти раз, и его образ всегда очень лаконично встроен в рассказ о каком-либо происшествии, например, о бомбежке Мурманска: «Сидим обедаем. Сашка меланхолично орудовал

чумичкой. Вдруг – взрыв невероятной силы. (...) Сашка продолжал разливать суп, не замечая, что вылил нам в миски вместо мяса штукатурку» [7. С. 107].

Во фронтовом дневнике Сенникова никогда нет предыстории героев-матросов и, соответственно, остаются открытыми их жизненные финалы. О том, как сложились судьбы друзей, в дневнике ничего не говорится. Такая непрописанность образов матросов связана, вероятно, с тем, что друзья-матросы: друг с ПЛ «М-107» Елфимов Александр (в дневнике «Сашка»), друг с ПЛ «М-119» Ефремов Евгений (в дневнике «Женька-радист»), друг с ПЛ «М-114» Сорокин Роман (в дневнике «Ромка») – в сознании автора дневника всегда были и будут рядом, настолько близко, что почти слиты с авторским «Я», являются его частью.

Более того, многие фамилии сослуживцев, друзей Георгия Ивановича нам удалось установить только по повестям «Выстрел в бухте» и «Малютка уходит в море». Так, в ходе исследования мы узнали, что Сашка – это Елфимов Александр Прокопьевич, рулевой ПЛ «М-107», что Зойка – это Терентьева Зоя Афанасьевна, краснофлотец, писарь штаба, что Лара Северянка – это Семенихина Лариса Лазаревна, вольнонаемная, слесарь-сборщик торпедной мастерской, и т.д. С помощью сайта МО «Память народа» нам удалось установить около восьмидесяти фамилий сослуживцев Георгия Ивановича, друзей-матросов, командиров, боевых подруг, упоминаемых в его дневнике.

По сравнению с дневником в повестях, особенно в последней повести, образы друзей-подводников прописаны тщательнее. В них много деталей, характеризующих личности, портретных зарисовок, подмечаются привычки и манеры людей, улавливаются особенности речи (темп, интонации). Можно говорить о попытке создания социально-психологических портретов сослуживцев.

Итак, мы можем выделить минимум три авторские стратегии трансформации текста фронтового дневника в художественно-документальную прозу, выбранные Сенниковым.

Первая стратегия связана с трансформацией текста с учетом изменения политической обстановки в стране. Речь идет о влиянии политического и идеологического общественного дискурса на оформление авторского замысла. Сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов текста, посвященных травматичным эпизодам с убийством-самоубийством сослуживцев-подводников СФ периода Великой Отечественной войны от черновика дневника – через чистовик дневника – к повести,

опубликованной в советское время, показывает, что текст идет на сужение. Важнейшая информация, неудобная для официального советского исторического дискурса, просто изымается.

Вторая стратегия предполагает трансформацию композиции в соответствии с законами жанра (изменение линейной дневниковой композиции на композицию художественного произведения). Сравнительно-сопоставительный анализ показал, что дневниковый текст перестраивался по законам композиции художественного произведения. Автор работал в направлении подчинения линейного дневникового времени как цепи происходящих событий времени нелинейному, качественному времени, дающему почувствовать глубину жизни, даже ее трансцендентность. Для решения этой задачи Георгий Иванович переносит события и героев во времени с целью усиления эмоционального воздействия на читателей. Так, трансформируя линейное время по законам художественного произведения, Сенников создает некий эмоциональный центр произведения, его кульминацию, просто перенеся описание самого тяжелого похода лодки на день своего рождения.

Третья стратегия – это трансформация дневниковых образов в образы художественные (а образа автора дневника в образ повествователя в повестях). Автором переносятся не только даты и события, меняется и подача образов сослуживцев, друзей-матросов, проводится работа по художественной обработке образов. Интересно, что женские образы подверглись большей художественной обработке уже в переписанном дневнике, а в повестях эти образы выстроены в соответствии с советскими культурными архетипами.

Список источников

1. Колесникова Е.И. Военные дневники и записные книжки писателей: жанрово-повествовательные особенности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филология. 2014. № 3. С. 70–73.
2. Маркусь А. Потенциал дневниковой прозы периода Великой Отечественной войны // Филология и культура. 2016. № 3 (45). С. 124–128.
3. Бирючин С.В. Документальный факт и его роль в диалогии В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»: (по материалам записных книжек писателя) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (110). С. 141–147.
4. Халхарова Л.Ц. Жанр «военного дневника» в творчестве бурятских писателей // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 191–197.
5. Кирясова И.Н. Дневниковая проза в контексте поэтического творчества А.Т. Твардовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 23 с.
6. Чулокина М.Г. Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 23 с.

7. Постникова Е.Г., Любецкий А.Е. «Мы – подводники»: военные дневники матроса-подводника СФ Г.И. Сенникова : в 2 т. Т. I. Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова, 2021. 308 с.

8. Постникова Е.Г. «Мы – подводники»: военные дневники матроса-подводника СФ Г.И. Сенникова : в 2 т. Т. II. Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова, 2021. 344 с.

9. Сенников Г.И. Мы, подводники // Комсомольская правда. 1966. 7–9 мая. С. 3–4.

10. Постникова Е.Г., Волкова В.Б. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 2. С. 623–638.

11. Сенников Г.И. Выстрел в бухте. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1969. 91 с.

12. История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М. : НЛЮ, 2011. 792 с.

References

1. Kolesnikova, E.I. (2014) *Voennye dnevniki i zapisnye knizhki pisateley: zhanrovopovestvovatel'nye osobennosti* [War diaries and notebooks of writers: Genre and narrative features]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 3. pp. 70–73.

2. Markus, A. (2016) *Potentsial dnevnikovoy prozy perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [The potential of diary prose during the Great Patriotic War]. *Filologiya i kul'tura*. 3(45). pp. 124–128.

3. Biryuchin, S.V. (2016) *Dokumental'nyy fakt i ego rol' v dilogii V.S. Grossmana "Zhizn' i sud'ba": (po materialam zapisnykh knizhek pisatelya)* [The documentary fact and its role in the dilogy of Vassily Grossman "Life and Fate": (based on the writer's notebooks)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(110). pp. 141–147.

4. Kalkharova, L.Ts. (2018) *Zhanr "voennogo dnevnika" v tvorchestve buryatskikh pisateley* [The "war diary" genre in the works of Buryat writers]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 3. pp. 191–197.

5. Kiryasova, I.N. (1989) *Dnevnikovaya proza v kontekste poeticheskogo tvorchestva A.T. Tvardovskogo* [Diary prose in the context of A.T. Tvardovsky's poetic creativity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

6. Chulyukina, M.G. (2009) *Dnevnik kak zhanr publitsistiki: predmetno-funktional'nye osobennosti* [Diary as a genre of journalism: Subject-functional features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.

7. Postnikova, E.G. & Lyubetskiy, A.E. (2021a) *"My – podvodniki": voennye dnevniki matrosa-podvodnika SF G.I. Sennikova* ["We are submariners": Military diaries of the Northern Fleet submariner G.I. Sennikov]. Vol. 1. Magnitogorsk: MSTU.

8. Postnikova, E.G. (2021b) *"My – podvodniki": voennye dnevniki matrosa-podvodnika SF G.I. Sennikova* ["We are submariners": Military diaries of the Northern Fleet submariner G.I. Sennikov]. Vol. 2. Magnitogorsk: MSTU..

9. Sennikov, G.I. (1966) *Мы, подводники* [We, submariners]. *Komsomol'skaya pravda*. 7th – 9th May. pp. 3–4.

10. Postnikova, E.G. & Volkova, V.B. (2020) *Eto moy mir: frontovye dnevniki matrosa-podvodnika* [This is my world: Front-line diaries of a submariner]. *Quaestio Rossica*. 8(2). pp. 623–638.

11. Sennikov, G.I. (1969) *Vystrel v bukhte* [A shot in the bay]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

12. Dobrenko, E. & Tikhanov, G. (2011) *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: Sovetskaya i postsovetskaya epokhi* [History of Russian literary criticism: Soviet and post-Soviet eras].

Информация об авторах:

Постникова Е.Г. – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: ekaterinapost@mail.ru

Зайцева Т.Б. – доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: tbz@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ye.G. Postnikova, Dr. Sci. (Philology), docent, leading research fellow, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: ekaterinapost@mail.ru

T.B. Zaitseva, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: tbz@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.03.2022;
одобрена после рецензирования 07.01.2023; принята к публикации 12.03.2024*

*The article was submitted 17.03.2022;
approved after reviewing 07.01.2023; accepted for publication 12.03.2024*